

Б. С. Павлов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕСТРУКЦИЙ

Статья посвящена анализу социальных рисков и девиаций, с которыми связана жизнедеятельность семейной группы на Урале, с проявлениями этих рисков для семейного образа жизни, для социально-экономического развития региона. Автор подчеркивает, что диалектика деструкций, рисков и надежности, оптимизма и пессимизма наглядно проявляется сегодня в различных сторонах жизнедеятельности института семьи в России в целом и, в частности, на Урале. В современном обществе нет поведения, свободного от риска. Для дихотомии риск — безопасность это означает, что нет абсолютной надежности или безопасности, тогда как из дихотомии риск — опасность вытекает, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения.

На основе целого ряда исследований, проведенных социологами Института экономики УрО РАН в мониторинговом режиме, автором показана идентичность социально-экономического самочувствия взрослого населения различных регионов РФ на протяжении практически целой четверти столетия. Прослеживается устойчивое деление населения на сравнительно одинаковые (по удельному весу в общей численности населения) группы российского социума, относящие себя к разряду «богатых», «средняков» и «бедняков». При этом, по мнению автора, социальное неравенство в

принципе имеет как позитивные, так и негативные последствия для функционирования и развития общества.

Автором предпринята попытка анализа проблем «семья — дети», «отцы — дети» с позиций такого нежелательного для семьи явления, как социальные риски. Подчеркивается особая актуальность этих процессов применительно к семейной политике в России, стремящейся перейти от демографических тенденций к благоприятному режиму расширенного воспроизводства нации. В целом уровень семейного благополучия, в первую очередь, определяется качеством отношений в системе «родители — дети». Внутрисемейные конфликты ведут к семейному неблагополучию, при котором, как правило, ребенок становится разменной монетой во взаимоотношениях родителей.

В статье предлагается авторская позиция относительно тенденций, непосредственно касающихся развития феноменов «образ жизни семьи», «женский труд» в России и, в частности, на Урале. В целом выделено 10 развернутых положений.

Использованы результаты ряда комплексных социологических исследований, проведенных в 2003–2013 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и с непосредственным участием автора.

Ключевые слова: семья, репродуктивное поведение, социальные риски, девиации, ценностные ориентации, уровень и качество жизни, насилие в семье, воспроизводство трудового потенциала

Россия переживает кризис «фамилистической цивилизации», считали в середине 90-х годов прошедшего столетия А. И. Антонов и В. М. Медков, усматривая корень кризиса в семейной аномии в нарушении семейного равновесия, распаде семейных связей, ценностных ориентаций. «Эмансипация личности от семьи и нуклеаризация самой семьи, — писали они, — разъединение семейных поколений, массовость малодетной семьи и ее несостоятельность в такой социализации потомства, — все это привело в XX в. в промышленно развитых странах к устранению семейного влияния, посредничества семьи в противостоянии личности и общества». [2, с. 107].

Действительно, в последние десятилетия в условиях трансформации российского общества все чаще наблюдаются кризисные явления в семейно-брачных отношениях. Они дают о себе знать в участившихся распадах брачных союзов, обострении семейных конфликтов, росте числа неблагополучных семей и т. п. Особенно страдают дети. В целом уровень семейного благополучия определяется в первую очередь качеством отношений в системе «родители — дети». В противовес благотворному влиянию воспитательного потенциала благополучных семей, внутрисемейные конфликты ведут к семейному неблагополучию, при котором, как правило, ребенок становится разменной монетой во взаимоотношениях родителей [18].

Посредничество семьи в системе преемственности поколений понимается институционально. Являясь базисной институциональной подсистемой общества, семья призвана, как утверждал Т. Парсонс, «увязывать орга-

ническую систему с человеческой деятельностью» [27, с. 427]. Невыполнение семьей своих функций (репродуктивной и социализационной) свидетельствует о глубокой институциональной дисфункции. Принципиально новые модели семьи выступают, с этой точки зрения, остатками деградации расширенной семьи, которые указывают на отмирании семьи вообще, а не только «традиционной семьи» [1, с. 5].

Диалектика созидания и деструкций, рисков и надежности, оптимизма и пессимизма наглядно проявляется сегодня в различных сторонах жизнедеятельности института семьи в России в целом и, в частности, на Урале. Попытаемся проиллюстрировать это утверждение на результатах ряда исследований проведенных (под руководством автора и сего непосредственным участием) социологами Института экономики УрО РАН в 2003–2013 гг. В частности, были реализованы:

— 2003 г. — опрос 2900 молодых супругов в пяти регионах РФ, в том числе 1850 респондентов из семей Свердловской области («Семья-1»);

— 2007 г. — по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей по специальным анкетам опрошено 665 учащихся, 490 их родителей и 230 экспертов — специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных подростков 327, так называемых, «благополучных», по оценкам учителей («Б») и 338 — «трудных» («Семья-2»);

— 2009 г. — опрос 600 молодых матерей в ряде городов Свердловской области. Из 600 респондентов 34% составили представители

полных нуклеарных семей с одним ребенком, 27% — таких же семей с двумя детьми и 18% — сложных (трехпоколенных) семей с одним ребенком (21% — другой состав молодых семей) («Семья-3»);

— 2012–2013 г. — по квотной выборке в семи Институтах УрО РАН были проведены опросы 560 научных сотрудников представляющих группу полных, зрелых, детных уральских семей («Семья-4»).

Социологи небезосновательно утверждают, что в современном обществе нет поведения, свободного от риска. Для дихотомии риск — безопасность это означает, что нет абсолютной надежности или безопасности, тогда как из дихотомии риск — опасность вытекает, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения. Другими словами, надо оставить надежду, что новое знание увеличивает вероятность перехода от риска к безопасности. Напротив, чем лучше мы знаем то, что мы не знаем, тем более глубоким становится наше осознание риска. Чем более рациональными и детальными становятся наши вычисления, тем больше аспектов, включающих неопределенность по поводу будущего и, следовательно, риска, попадает в поле нашего зрения. «Современное риск-ориентированное общество — это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [25].

А. Гидденс ввел понятие «онтологическая безопасность», т. е. ощущение надежности людей и вещей, надежности и предсказуемости повседневной жизни. При этом Гидденс уделил много внимания соотношению модерна и традиции. Модернизация разрушает традицию главным «врагом», которой является растущая институциональная рефлексивность. Но (и это важно для нас) по мнению Гидденса, «сотрудничество» модерна и традиции было критически важным на его ранних стадиях, когда предполагалось, что риск может быть калькулирован [26, с. 91]. Современное общество рискогенно, хотим мы этого или нет; даже бездействие чревато риском. Анализируя собственно механику производства рисков, Гидденс подчеркивал, что современный мир структурируется главным образом рисками, созданными человеком. Эти риски имеют ряд отличительных признаков. Во-первых, современные риски обусловлены глобализацией в смысле их «дальнействия» (ядерная война). Во-вторых, глобализация рисков является функцией возрастающего числа взаимозависимых событий (на-

пример, международного разделения труда). В-третьих, современный мир — это мир «институционализированных сред рисков», например, рынка инвестиций, от состояния которого зависит, как правило, благополучие миллионов людей.

Социологи утверждают, что выбор рисков, о которых беспокоятся люди, зависит от предпочитаемых социальных форм жизни. Выбор рисков и выбор, как жить, должны рассматриваться вместе. Каждая форма общественной жизни имеет собственный «портфель рисков», общие ценности ведут к общим страхам. Не существует разрыва между восприятием и реальностью и правильного описания правильного поведения, по крайней мере заранее. Действительные опасности не известны до того, как они наступили. Между тем, действуя в настоящем, чтобы предотвратить будущие опасности, всякая социальная система поднимает некоторые риски слишком высоко и опускает другие ниже уровня видимости. Этот культурный уклон неотделим от типа социальной организации. Принятие рисков и их предотвращение, разделяемые всеми уверенность и страхи — это часть диалога о том, как лучше организовать социальные отношения. «Как мы решаем, с какими рисками столкнуться? Мы выбираем риски в том же наборе, как мы выбираем наши социальные институты. Поскольку индивид не может смотреть одновременно во всех направлениях, социальная жизнь требует выбора акцента, направления. Люди организуют свой мир через социальные предпочтения». И далее: «Культурологический анализ показывает, как некоторая группа ценностей и убеждений придает смысл занимаемым людьми позициям и используемым ими практикам» [26].

По мнению О. Н. Яницкого, дезинтеграция советского государства и общества сопровождалась выделением гигантских масс энергии распада. Эта энергия — массовые действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада — это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных (или политически сконструированных) социальных акторов. Эта энергия эмпирически существует в форме потоков вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, действий неопознанных вооруженных формирований, носителей афганского, чеченского и других синдромов, выступает в форме межэтнических конфликтов, локальных войн, кри-

Самооценка уровня жизни российских «взрослых» семей (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)

Год, число респондентов	География опроса	Варианты самооценок			
		А	Б	В	Г
1989 г. 1500 чел.	Нижевартовск	8	45	28	19
1992 г., 2000 чел.	Челябинская область	3	42	48	7
1994 г. 520 чел.	Надым	6	66	25	3
1996 г., 1000 чел.	Свердловская область	3	47	42	8
1998 г. 350 чел.	Челябинская область, «монородительские семьи»	1	25	60	14
1998 г. 455 чел.	Семьи с детьми-инвалидами	2	33	59	6
1999 г. 1360 чел	РФ — шесть регионов (Екатеринбург, Самара Челябинск, Чита и др.	3	56	37	3
2000 г., 2000 чел.	Нижний Тагил	4	48	41	6
2001 г. 630 чел.	Красноурьинск	2	63	31	4
2004 г., 1000 чел.	Читинская область	3	52	39	6
1998 г., 1000 чел.	Свердловская область	1,0	41	49	8
2002 г. 1100 чел.	11 городов ХМАО	8	73	17	2
2005 г. 4000 чел.	Екатеринбург	13	61	21	4
2007 г. 650 чел.	Пенсионеры г. Екатеринбурга*	1 чел.	29	68	3

* Респонденты — клиенты Еврейского благотворительного фонда «Центр „Хэсэд-Менора“» в возрасте 60 лет и старше — 93%.

минальных разборок, заказных убийств и массового терроризма [24].

Кстати, в какой мере беда обходила стороной уральские семьи? В одном из наших исследований [17] респондентов просили сообщить о наличии в их семьях, среди родственников тех, кто выбивается, как говорят, из общего привычного и благополучного ряда граждан. Вопрос в анкете был представлен так: «Есть ли в вашей семье, среди родственников следующие категории людей?». Далее предлагался перечень категорий населения, имеющих то или иное отклонение от «обычной» судьбы большинства своих соотечественников. Вот что сообщили нам респонденты из Екатеринбурга (% от общего числа опрошенных — 880 чел.):

Да, такие люди в семье и среди родственников есть: %

безработные (ищущие работу, находящиеся в вынужденных отпусках и т. д.) 43

пострадавшие от разбоя, грабежа 42

живущие в СНГ (за пределами РФ) 37

непосредственно пострадавшие от войны в Афганистане, Чечне, Таджикистане и других горячих точках России, стран СНГ (воевали, ранены, находились в плену и т. д.) 15

уехавшие (эмигрировавшие) из России за границу в последние 3-5 лет (1992-1997 гг) 11

За последние 20–25 лет в мониторинговом режиме в целом ряде исследований социологами Института экономики УрО РАН (научн. руководитель — автор статьи) различным группам респондентов в разных регио-

нах РФ в анкетах задавался вопрос: «К какой категории населения по уровню жизни вы относите себя, свою семью в настоящее время?». Респондентам предлагалось оценить уровень своей жизни по четырехзвенной шкале: а) «пока живем в полном достатке» — (сокращенное обозначение варианта — «А»); б) «имеем средний достаток» — «Б»; в) «живем на грани бедности» — «В»; г) «живем за чертой бедности» — «Г». О сравнительном постоянстве социально-экономического самочувствия уральского населения в процессе идущих экономических реформ свидетельствуют данные, приводимые в таблице 1.

Обращает на себя внимание определенная идентичность социально-экономического самочувствия взрослого населения различных регионов РФ на протяжении практически целой четверти столетия. Прослеживается устойчивое деление населения на сравнительно одинаковые (по удельному весу в общей численности населения) группы российского социума, относящие себя к разряду «богатых», «средняков» и «бедняков». Несколько выделяются из общего ряда с одной стороны семьи северян, живущие на территориях «нефтяных» и «газовых» городов ХМАО и ЯНАО, с другой — так называемые «семьи риска», наиболее социально незащищенные группы семей: монородительские семьи (матери-одиночки), семьи с детьми-инвалидами, семьи пенсионеров [13, 22].

В необеспеченных семьях (умеренная степень бедности), как правило, удовлетворяются элементарные потребности (как физиологические, так и социальные), но остаются неудовлетворенными потребности более высокого порядка. «Необеспеченные» более или менее сытно едят (хотя рацион здесь не всегда сбалансирован и питание нельзя считать полностью здоровым), имеют возможности обновлять одежду, лечиться, отдыхать. Вместе с тем этот уровень жизни не позволяет достичь образцов и стандартов жизни, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными.

В принципе, социальное неравенство имеет как позитивные, так и негативные последствия для функционирования и развития общества. Исследователи феномена неравенства отмечают, что оно является условием поступательного развития общества, поскольку заставляет людей совершенствоваться, развиваться, бороться. Н. А. Бердяев, например, писал, что неравенство есть могущественное орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. При этом неравенство, по мнению русского философа, есть условие всякого творческого процесса, социальной инициативы, подбора элементов, «более годных для производства» [4].

Вместе с тем существуют такие виды социального неравенства, которые ставят большинство населения на грань бедности, общей или хронической нищеты, политической и социальной бесперспективности. Это неравенство — результат не «запаздывающей» модернизации только различных видов, ошибок и методов трансформации, но и мирового разделения богатства и прибыли в рамках капитала всей планеты [5].

В условиях стабильной социально-экономической ситуации феномен «бедности слабых» затрагивает, как правило, относительное меньшинство населения, и при этом ту ее часть, которая не играет, как правило, решающей роли в общественной жизни. В условиях России этот феномен бедности распространяется чуть ли не на половину населения (в нашей классификации — это по преимуществу группы «В» и «Г»). При этом она может стать серьезной социальной и политической проблемой при достижении уровня острой нищеты и массовых масштабов. В такой ситуации она превращается в реальную социальную и нравственную угрозу для общества, даже если она оказывается уделом сравни-

тельно небольших и неактивных категорий населения.

А как оценивают свое материальное положение и экономическое поведение молодые семейные уральцы-родители? Обратимся к результатам двух наших опросов «Семья-1» и «Семья-3». На тот же вопрос: «К какой категории населения по уровню жизни вы относите себя, свою семью в настоящее время?» были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию; в числителе опрос 2003 г. — 2900 чел., в знаменателе — 2009 г. — 600 чел.):

пока живем в полном достатке.....	12 / 13
имеем средний достаток.....	63 / 81
живем на грани бедности.....	22 / 5
живем за чертой бедности.....	3 / 1

При всех имеющихся проблемах молодых семей на Урале нетрудно видеть, что значительная часть молодых отцов и матерей (судя по самооценкам) чувствуют себя экономически гораздо комфортнее, чем уральские «взрослые» семьи («семьи бабушек») (сравни с табл. 1) [5, 10, 16].

Попытаемся посмотреть на проблемы «семья — дети», «отцы — дети» с позиций такого нежелательного для семьи явления, как социальные риски. Как справедливо считает известный уральский социолог Е. С. Баразгова, задача минимизации рисков переводит эту проблему из сферы математического исчисления в область системного анализа общества. «Оценка степени любого технического риска зависит от адекватности представления о месте и роли объекта или процесса, несущего в себе потенциальную угрозу в системе общества» [20, с. 8]. Сегодня небезосновательно утверждается мнение, что социологический подход становится базовым в рискологии. На современном этапе развития общества сферой риска является и сфера производства каждого человека и воспроизводства социума в целом. Попытаемся, например, схематично соотнести различные виды и ситуации риска, сопровождающие процесс социализации нашего современника — молодого россиянина (табл. 2) [14, 15].

Проблемы молодой семьи связаны в первую очередь с рождением потомства. Естественным является стремление каждой семьи к рождению здорового потомства, к нормальному течению беременности у будущих молодых матерей и нормальным родам. Статистика свидетельствует, что низкий уровень здоровья населения репродуктивного возраста, высокая распространенность аборт, а также патологические состояния в период беременности и

Различные виды и ситуации риска, сопровождающие процесс социализации нашего современника — молодого россиянина

Периоды компоненты	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
<i>А. Прохождение возраста первичной социализации</i>	
Прекоцепционный период развития*	условия жизнедеятельности потенциальных родителей; виртуально-биполярная вариабельность пола; характер субъект-субъектного взаимодействия; вероятность неблагоприятной генной наследственности; вероятность генной несовместимости и порочности
Перинатальный период**	условия внутриутробного развития; вероятность приобретения врожденных пороков; условия родов; условия жизни и характер ухода в роддоме
Дошкольный возраст	жилищно-коммунальные и валеологические условия ухода за новорожденным в семье; уровень врачебного педиатрического патронажа; вероятность эпидемиологического заражения матери и ребенка; степень развития «культы здоровья» в семье; решение о возобновлении матерью работы в общественном производстве; характер приобщения отца ребенка к уходу за ним и его воспитанию; решение о степени привлечения к уходу и воспитанию ребенка его бабушек и дедушек; вероятность социально-бытового травмирования ребенка; качество воспитательно-педагогической среды в ДДУ; направленность развития первичных социокультурных потребностей; целенаправленное развитие и сдерживание проявлений природного темперамента; характер и условия проявления задатков, наклонностей, способностей; степень приобщения к ПЭВМ
Младший школьный возраст	принятие решения выхода семьи на второго ребенка; выбор школы; выбор направленности учебных программ; уровень культурного, профессионального и гуманистического развития первого школьного учителя; опасность ДТП; опасность физических и умственных перегрузок у ребенка
Средний школьный возраст	выбор дополнительных (к школьным) программ обучения, культурного и физического развития; деформация межпоколенных отношений в родительской семье; опасность стать жертвой насильника; опасность стать жертвой маньяка, садистских проявлений, разбоя
Старший школьный возраст	аномия к учебной деятельности; опасность приобщения к группам асоциального поведения; опасность суицидальных настроений; опасность закрепления паразитического образа жизни, «ненужности» и «необязательности» участия в общественно полезном труде; опасность приобщения к спиртным напиткам и наркотикам; система жизненных идеалов, образчиков для подражания
<i>Б. Прохождение возраста вторичной (концептуальной) социализации</i>	
Профессиональное обучение	выбор будущей профессии выбор конкретного вуза (учебного заведения) для профессиональной учебы; выбор средств (финансовых, организационных и т. д.) для достижения поставленной цели; направленность жизненных интересов и устремлений
Предбрачие	риск формирования муже- или женофобии; развитие половой импотенции; опасность заражения венерическими заболеваниями; возрастной ценз вступления в брак
Создание семьи	деформации представлений об оптимальной и приемлемой модели семьи; ориентация на определенный характер супружеских и внутрисемейных отношений; ориентация на тот или иной уровень детности;
Адаптация в сфере производства	направленность, содержание и характер дополнительного образования, дополнительных профессий

Периоды компоненты	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
Ассимиляция в культуре	характер; предпочтения в сфере досуговых занятий; уровень и направленность духовных потребностей, запросов

* В прекоцепционной педагогике за начальную точку отсчета принимается (как и в перинатальной) момент зачатия плода, но рассматривается временная шкала не традиционно «от настоящего к будущему», а в ином направлении: от настоящего к прошлому. Специалисты предлагают различать, по меньшей мере, три подпериода: непосредственно дозачаточный, обозримый дозачаточный и отдаленный дозачаточный.

** Перинатальный период включает внутриутробное развитие плода (начиная с 28 недель беременности), роды и первые 7 суток жизни ребенка (см. Никитин С. М., Фофанов К. А. Социологическая теория риска в поисках предмета, в журнале «Социологические исследования», 1992, № 10).

родов обуславливают высокие показатели материнской, перинатальной смертности, мертворождаемости [7].

Исследования показывают, что за период обучения с 1 по 9 класс число здоровых детей уменьшается в 4 раза, а детей с близорукостью увеличивается с 3 до 30%, с нервно-психическими расстройствами — с 15 до 40%. Именно школа, согласно научным и статистическим данным, невольно способствует возникновению хронических заболеваний у каждого второго ребенка, приводя к существенной утрате резерва здоровья. У 45% учащихся дефекты состояния здоровья вызывают различные ограничения в выборе будущей профессии. Столь же велик процент допризывников, освобожденных от службы в армии [15].

В феврале 2012 г. В. В. Путин, характеризуя проблемы народосбережения в России, отнес их к числу «самых важных и острых... Мы должны понимать, что демографическая ситуация все еще неустойчива. В среднем на одну маму у нас по-прежнему приходится меньше двух детей. Кроме того, страна уже вплотную столкнулась с демографическим эхом 1990-х годов» [6].

Действительно, в годы Великой Отечественной войны появилось на свет и выжило гораздо меньше детей. В 1939–1947 гг. наблюдался глубокий демографический провал. Понятно, что у этого сокращенного поколения рождалось меньше детей в 1965–1980 гг., и ожидалось меньше внуков в 1990–2000 гг. После войны, когда мужчины вернулись с фронта, а благодаря развитию медицины удалось в несколько раз сократить младенческую смертность, Россия пережила своеобразный бэби-бум. Многочисленное поколение 1948–1958 гг. должно было родить больше детей в восьмидесятые и, соответственно, больше внуков в нулевые [23].

Весьма адекватной реальному состоянию дел в сфере российских демографических процессов нам представляется оценка демографа

В. М. Медкова, доцента кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Он правомерно считает, что несмотря на рост абсолютных чисел рождений, наблюдающийся на протяжении последних двух-трех лет, генеральная тенденция снижения рождаемости в нашей стране не обнаруживает никаких признаков радикального изменения. Напротив, есть все основания предполагать, что в самом ближайшем времени рост числа рождений прекратится и начнется их спад» [21, с. 34]

С другой стороны, возобновившийся в 2006 г. рост чисел рождений был более заметен в сельском населении: на 3,5% против 0,7% в городском. Подъем чисел родившихся, продолжавшийся с 2000 по 2004 гг., был связан, в первую очередь, с действием факторов демографической структуры. В эти годы вступали в брачный возраст и в возраст деторождения женщины, родившиеся в первой половине 1980-х гг. прошедшего столетия, когда также наблюдался подъем чисел рождений, обусловленный как действием благоприятной возрастной структуры, так и некоторым (однако весьма слабым и краткосрочным) эффектом мер поддержки семей с детьми, введенными в 1981 г. Действие этого фактора, как и предсказывали демографы, закончилось как раз в 2004 г., когда в репродуктивный возраст вступили поколения, родившиеся уже во второй половине 1980-х гг., т. е. во время начавшегося тогда резкого спада рождаемости. В результате окончания действия фактора благоприятной демографической структуры число рождений в 2005 г., как и ожидалось, снизилось, и начал действовать другой фактор — фактор более полной реализации потребности в двух детях, которая пока еще свойственна большей части населения страны. Потребность в двух детях стала реализовываться благодаря тому, что на эти годы пришелся пусть не слишком большой, но все же заметный рост уровня жизни населения России, связанный с начавшимся эконо-

мическим подъемом. К этому добавились ожидания, рожденные мерами материальной поддержки семей с детьми. К сожалению, действие этого фактора — фактора более полной реализации потребности в двух детях — не может быть продолжительным [9].

Латинское выражение «*Extremis malis, extrema remedia*» («против серьезных болезней нужны сильные средства») актуально применим к семейной политике в России, стремящейся перейти от депопуляционных тенденций к благоприятному режиму расширенного воспроизводства нации. «Демографы утверждают, что выбор в пользу второго ребенка, — подчеркивал Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию — это уже потенциальный выбор в пользу третьего. Важно, чтобы семья сделала такой шаг и, несмотря на сомнения некоторых экспертов (а я отношусь к ним с уважением), я все-таки убежден, что нормой в России должна стать семья с тремя детьми, но чтобы это было так, нужно многое сделать» [19].

На переломе XX и XXI вв. в России наряду с однодетными семьями «вошли в моду» одновнучатые дедушки и бабушки. И не здесь ли нужно искать сегодня существенные резервы в повышении демографической активности молодых россиян? Важно на уровне государства научиться использовать достаточно большой временной, материальный, педагогический потенциал и полных сил и задора «молодых пенсионеров». Подчеркнем: не только «научиться использовать», но и адекватно поощрять труд и участие старших поколений россиян в воспроизводстве молодых поколений.

А теперь попытаемся заглянуть в завтрашний день. Выскажем нашу точку зрения относительно тенденций, непосредственно касающихся развития феномена «женский труд» в России и, в частности, на Урале. Проведение комплексных межрегиональных социологических исследований и непосредственная личная практическая деятельность в сфере формирования и реализации социальной (в том числе семейной, молодежной и национальной) политики в условиях городов и поселений Урала позволяют предложить ряд прогностических оценок относительно тенденций в развитии семейно-брачных отношений и тех угроз благополучию семьи (а значит, и обществу в целом), которые требуют повышенного внимания органов власти всех уровней, расширения взаимодействия различных структур и ведомств с гражданским обществом:

1. Замедление социально-экономического расслоения общества по доходам вследствие

приближения уровня дифференциации к критическим отметкам и повышения доходов малообеспеченных категорий работников и пенсионеров.

2. Вероятность увеличения доли маргинальных семей. Расширение доли альтернативных, гражданских браков. Рост числа неполных и монородительских семей вследствие распространения разводов, незарегистрированных браков, снижения нравственной и материальной ответственности мужчин и женщин. Дальнейшее усиление асоциальных проявлений в семьях (насилие, преступность, проституция, наркомания, пьянство и алкоголизм) и, как следствие, рост числа семей из группы риска.

3. Вследствие роста национального самосознания — усиление национальной консолидации на уровне семейно-брачных отношений, в частности уменьшение числа смешанных национальных браков. В общественном сознании переход от преимущественной модели однодетной семьи к двухдетной.

4. Дальнейшее расслоение городского населения по уровню обеспеченности жильем и его комфорту вследствие его приватизации, введения обременительной для большинства горожан реформы жилищно-коммунального хозяйства. Улучшение жилищных условий, рост благосостояния сельской семьи за счет повышения потребительской стоимости сельскохозяйственной продукции; сближение образа жизни городских и сельских семей вследствие приобретения одних и тех же товаров, пользования общими средствами массовой информации, аудиовизуальными средствами, а также включения городской семьи в деятельность, связанную с производством сельскохозяйственной продукции (возделывание садов, огородов, откорм скота, птицы и т. д.).

5. Активизация производственно-экономической функции семьи как следствие ее включенности в рыночные отношения. Увеличение объема и расширение набора видов домашнего труда из-за подорожания общественных бытовых услуг, насыщения домохозяйств бытовой техникой. Перераспределение ролей в семье: включение мужчин в домашний труд, воспитание детей, увеличение объема детского и подросткового труда, более раннее приобщение детей к трудовой деятельности в общественном производстве как адаптация к рыночным отношениям.

6. Усиление противоречий, социальной напряженности в сфере женского труда в общественном производстве, связанных с рас-

ширением и трансформацией рынка труда. Уменьшение доли женского труда в общественном производстве на Урале за счет возрастания доли мужского труда, а также увеличения государственных дотаций на ребенка и удлинения отпуска по уходу за ребенком [21].

7. Усложнение межличностных отношений в семье, в том числе между родителями и детьми, вследствие возрастания роли материального фактора.

8. Повышение заинтересованности семьи в образовании детей как в стартовом условии для будущего. Появление различных форм общественно-семейного образования (семейные школы, пансионаты, лицеи и т. д.). Расширение

сети детских домашних садов, функционирующих на базе городских квартир (5–6 детей с одним воспитателем). Увеличение сроков пребывания ребенка дошкольного возраста в семье под присмотром матери.

9. Дальнейшее развитие цивилизованных альтернатив семье, связанных с социализацией детей, лишенных заботы и покровительства кровных родителей.

10. Усиление влияния на семью церкви (религии), привлекающей к себе защитой нравственных ценностей, милосердием, эстетикой обрядности, а также рост влияния парапсихологии и оккультных наук [3, 8, 12].

Исследование проводилось при финансовой поддержке РФНФ, проект №13-02-00264а «Синергетическая диагностика кризисных явлений в экономике регионов Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи. Методология исследования структур и процессов. — М.: Изд. дом «Nota bene», 1998. — 360 с.
2. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. — М., Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братъа Карич»), 1996. — 304 с.
3. Артюхов А. Л., Павлов Б. С., Стожаров А. В. Семья северян. Традиционность и новации. По материалам социологических исследований семей в городах и поселениях российского Севера. — Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН, 1999. — 206 с.
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письмо девятое. О социализме. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn007>.
5. Берсенева В. Л., Важенникова С. Г., Павлов Б. С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. — 2011. — № 1. — С. 264–267.
6. В. В. Путин провел совещание по демографической политике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm.
7. Государственный доклад Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 ноября 2011 г. «О положении детей в Российской Федерации» (2010 год). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime>
8. Козлов В. Н., Павлов Б. С. Завод и семья. Грани сотрудничества. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 192 с.
9. Кузьмин А. И. Демографическая ситуация на Среднем Урале: применима ли модель третьего демографического перехода к Свердловской области. — Екатеринбург, УрГЭУ. [Электронный ресурс]. URL: [http://www/regnet.urjan.ru/lej/file-or/251](http://www.regnet.urjan.ru/lej/file-or/251).
10. Куклин А. А., Леонтьева А. Г., Никулина Н. Л. Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни. // Уровень жизни населения регионов России. — 2013. — №1. — С. 130–135.
11. Медков В. М. Рождаемость: есть ли повод для эйфории? // Демографические исследования. Интернет-журнал. № 7. 2010. [Электронный ресурс]. URL: URL.demographia.ru/articlesN/index.html?idR=20&idArt=1083 (дата обращения 15.02.2010 г.)
12. Павлов Б. С. Детские дома в России. Опыт ретроспективно-прогностического анализа. На материалах социологических исследований. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 524 с.
13. Павлов Б. С. Труд молодой матери на Урале: социально-экономический анализ // ЭКО. — 2012. — № 9. — С. 139–152.
14. Павлов Б. С. Человеческий потенциал региона: проблемы воспроизводства, сбережения и использования // Социум и власть. — 2012. — №5. — С. 7–16.
15. Павлов Б. С., Бондарева Л. Н. Особенности культуры демографического поведения молодых семей на Урале // Дискуссия. — 2012. — № 6. — С. 85–93.
16. Павлов Б. С., Колотыгина М. А., Сиражетдинова А. А. Социальный институт семьи: проблемы воспроизводства человеческого потенциала на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. — 2012. — № 2. — С. 22–32.
17. Павлов Б. С., Колупина Э. Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. Ч. I. Вопросы теории и практики социологического анализа. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2004. — 90 с.
18. Павлов Б. С., Разикова Н. И. Супружеская ссора как предмет социологического анализа // Дискуссия. — 2013. — № 3. — с. 68–75.
19. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.
20. Система образования Свердловской области в 90-е годы. Риски развития / Баразгова Е. С., Баразгов К. Б., Козловская О. В. и др.; под ред. Е. С. Баразговой. — Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. — 104 с.

21. Татаркин А. И., Павлов Б. С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда. На примере Урала. — М.: Экономика, 2009. — 436 с.
22. Татаркин А. И., Павлов Б. С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. — М.: Экономика, 2007. — 272 с.
23. Тимаков В. В. Эксперт о росте рождаемости в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1070549>.
24. Яницкий О. Н. «Критический случай». Социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2. — С. 86-99.
25. Яницкий О. Н. Риск. Реальность или социальный конструкт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/>. Ru
26. Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. — 95 p.
27. Parsons T. Action Theory and the Human condition. — N.Y., 1978. — P. 464 p.

Информация об авторе

Павлов Борис Сергеевич (Екатеринбург, Россия) — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

B. S. Pavlov

Transformation of institute of a family in Ural in the conditions of socio-economic destructions

The article is devoted to the analysis of social risks and deviations related to family group in Ural, manifestations of these risks for a family way of life, socio-economic development of the region. The author emphasizes that today the dialectics of creation and destructions, risks and reliability, optimism and pessimism is illustrated in the various parts of the institute of family in Russia as a whole and, in particular, in the Ural region. In our modern age, there is no risk-free behavior. «Risk — safety» dichotomy means that there is no absolute reliability or safety. Whereas «risk — danger» dichotomy means that it is impossible to avoid risk, making any decisions.

The author shows the identity of socio-economic health of the adult population of various regions of the Russian Federation throughout almost the whole quarter of a century on the basis of a number of research assignments conducted by sociologists of Institute of Economics of the UB RAS, in a monitoring mode. Division of the population on rather identical (on particular weight in the total number of the population) groups of the Russian society referred to the category of «rich», «medium people» and «poor people» is observed. At the same time, according to the author, the social inequality in principle has both positive, and negative consequences for functioning and society development. The author made an attempt of the problem analysis of «family — children», «fathers — children» from a perspective social risks. The special relevance of these processes in relation to family policy in Russia seeking to pass from depopulation tendencies to a favorable treatment of nation-expanded reproduction is emphasized. Altogether, the level of family wellbeing, first of all, is defined by the quality of the relations in the system of «parents — children». The intra-familial conflicts conduct to family trouble and so for children. In article, the author's position concerning the tendencies, related to phenomena development of «family way of life», «women labor» in Russia and, in particular, in Ural is offered. In gener, 10 developed provisions are allocated.

Results of a number of the complex sociological research conducted in 2003-2013 at the Institute of Economics of UB RAS under scientific management and with direct participation of the author are used.

Keywords: family, reproductive behavior, social risks, deviations, valuable orientations, level and quality of life, violence in a family, reproduction of labor potential.

Research was conducted with financial support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation, the project No. 13-02-00264a «Synergetic diagnostics of the crisis phenomena in the economy of regions of the Russian Federation».

References

1. Antonov A. I. (1998). Mikrosotsiologiya semi. Metodologiya issledovaniya struktur i protsessov [Family microsociology. Methodology of research of structures and processes]. Moscow, 360.
2. Antonov A. I., Medkov V. M. (1996). Sotsiologiya semi [Family microsociology]. Moscow, Moscow State University Publ., Publishing house of the International University of Business and Management («Brothers of Karich»), 304.
3. Artyukhov A. L., Pavlov B. S., Stozharov A. V. (1999). Semya severyan. Traditsionnost i novatsii. Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy semey v gorodakh i poseleniyakh rossiyskogo Severa [Family of northerners. Traditional character and innovations. On materials of families' sociological research in the cities and settlements of the Russian North]. In-t ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics, UB RAS], Yekaterinbur-Salekhard, 206.
4. Berdyayev N. A. Filosofiya neravenstva. Pismo devyatoye. O sotsializme [The philosophy of inequality. The ninth letter. About socialism]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn007>.
5. Beresnyov V. L., Vazhenin S. G., Pavlov B. S. (2011). Osobyie grani sovremennoy rossiyskoy ekonomiki i ne tolko [Features of modern Russian economy]. Ekonomika regiona [Economy of Region], 1, 264-267.
6. V. V. Putin provyol soveshcheniye po demograficheskoy politike [V. Putin held meeting on demographic policy]. Available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm.

7. Gosudarstvennyy doklad ministerstva zdavookhraneniya i sotsialnogo razvitiya ot 17 noyabrya 2011 g. «O polozhenii detey v Rossiyskoy Federatsii» (2010 god). [The state report of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of November 17, 2011. «On position of children in the Russian Federation» (2010)]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime>
8. Kozlov V.N., Pavlov B. S. (1989). Zavod i semya. Grani sotrudnichestva [A plant and a family. Cooperation sides]. Chelyabinsk, Uzh.-Ural. kn. izd-vo [South Ural Publ.], 192.
9. Kuzmin A. I. Demograficheskaya situatsiya na srednem Urале: primenima li model tretyego demograficheskogo perekhoda k Sverdlovskoy oblasti [Demographic situation on Central Ural: whether the model of the third demographic transition is applicable to Sverdlovsk region]. Yekaterinburg, Urals State University of Economics. Available at: <http://www/regnet.uran.ru/efj/file-or/251>
10. Kuklin A. A., Leontev A. G., Nikulina N. L. (2013). Sotsialnaya zashchita naseleniya kak faktor rosta prodolzhitel'nosti zhizni [Social safety of the population as a factor of growth of life expectancy]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [The living standard of the population of regions of Russia], 1, 130-135.
11. Medkov V.M. (2010) Rozhdaemost: est li povod dlya eyforii? [irth rate: whether there is a reason for euphoria?]. Demograficheskiye issledovaniya. Internet-zhurnal, № 7, 2010 [Demographic research. Intertnet-magazine]. Available at: URL demographia.ru/articlesN/index.html?idR=20&idArt=1083 (date of access: 15.02.2010)
12. Pavlov B. S. (2010). Detskiye doma v Rossii. Opyt retrospektivno-prognosticheskogo analiza. Na materialakh sotsiologicheskikh issledvaniy [Orphanages in Russia. Experience of the retrospective and predictive analysis. On materials of sociological research]. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics, UB RAS], 524.
13. Pavlov B. S. (2012). Trud molodoy materi na Urале: sotsialno-ekonomicheskyy analiz [Work of a young mother in Ural: socio-economic analysis]. EKO, 9, 139-152.
14. Pavlov B. S. (2012). Chelovecheskiy potentsial regiona: problemy vosproizvodstva, sberezheniya i ispolzovaniya [Human capacity of a region: problems of reproduction, savings and use]. Sotsium i vlast [Society and power], 5, 7-16.
15. Pavlov B. S., Bondarev L. N. (2012). Osobennosti kulturny demograficheskogo povedeniya molodykh semey na Urале [Features of culture of demographic behavior of young families in the Ural region]. Diskussiya [Discussion], 6, 85-93.
16. Pavlov B. S., Kolotygina M. A., Sirazhetdinova A. A. (2012). Sotsialnyy institut semi: problemy vosproizvodstva chelovecheskogo potentsiala na Urале [Social institute of the family: problems of reproduction of human potential in Ural]. Vestnik Uralskogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek [Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Science. Society. Person], 2, 22-32.
17. Pavlov B. S., Kolunina E. G. (2004). Vosproizvodstvo obshchestvennoy zhizni v interyere bednosti semey na Urале. Ch. I. Voprosy teorii i praktiki sotsiologicheskogo analiza [Reproduction of public life within poverty of families in Ural. Part I. Questions of the theory and practice of the sociological analysis]. Yekaterinburg: In-t ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics, UB RAS], 90.
18. Pavlov B. S., Razikov N. I. (2013). Supruzheskaya ssora kak predmet sotsiologicheskogo analiza [Matrimonial quarrel as a subject of the sociological analysis]. Diskussiya [Discussion], 3, 68-75.
19. Poslaniye prezidenta RF V. Putina Federalnomu sobraniyu [Message of V. Putin, the President of the Russian Federation to Federal Assembly]. Available at: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>
20. Barazgova Ye. S., Barazgova K. B., Kozlovskaya O. V. et al. (2001). Sistema obrazovaniya Sverdlovskoy oblasti v 90-e gody. Riski razvitiya [Education system of Sverdlovsk region in the 90th years. Risks of development]. Yekaterinburg, Ural Publ., 104.
21. Tatarkin A. I., Pavlov B. S. (2009). Problemy razvitiya sotsialnogo partnerstva na munitsipalnom rynke truda. Na primere Urала [Problems of development of social partnership on a municipal labor market. On the example of Ural]. Moscow, Economics, 436.
22. Tatarkin A. I., Pavlov B. S. (2007). Sotsialno-ekonomicheskiye i zhiznennyye plany naseleniya v usloviyakh promyshlennogo osvoyeniya severnykh territoriy Rossii [Socio-economic evaluation and vital plans of the population in the conditions of industrial development of north territories of Russia]. Moscow, Economics, 272.
23. Timakov V. V. Ekspert o roste rozhdaemosti v Rossii [An expert about birth rate growth in Russia]. Available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1070549>.
24. Yanitsky O. N. (2002). «Kritichesky sluchay». Sotsialnyy poryadok v «obshchestve riska» [«Critical case». Social order in «risk society»]. Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological review], Vol. 2, 86-99.
25. Yanitsky O. N. Risk. Realnost i sotsialny konstrukt [Risk. Reality or social construct]. Available at: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/>. Ru
26. Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. — 95 p.
27. Parsons T. Action Theory and the Human condition. — N.Y., 1978. — P. 464 p.

Information about the author

Pavlov Boris Sergeevich (Yekaterinburg, Russia) — Doctor of Economics, Professor, Senior Research Associate, Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st. 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).